

1990 год

На митинге купил первый российский флажок. Он жив до сих пор. Палочка сделана из легкого металла, явно на каком-то военном заводе. Именно по этой палочке и можно сейчас узнать людей, которые тогда выходили на площадь. Я не так давно такую пару встретил. И как в фильме «Холодное лето 1953» бывшие зеки узнают друг друга на московской улице по фанерным чемоданчикам, так и мы опознали единомышленников, узнали и улыбнулись.

Порядок на демократических митингах был образцовый, обеспечивался он не столько милицией, сколько сознательностью основной массы пришедших. Люди настоятельно требовали перемен. Нужно отдать должное Горбачеву, - он не позволял разгонять народ, - жрать было нечего, - могли и сдачи дать.

На полках стояли шпроты, подсолнечное масло в стеклянных бутылках и какие-то консервы из стратегических запасов. Большинство прилавков были пусты. Иногда «выбрасывали» скоропортящиеся продукты, которые мгновенно разбирали.

Не было даже курева. Ввели талоны на покупку табачных изделий, но частенько их не привозили. Люди продавали трехлитровые банки, полные окурков. Озверевший народ стал перекрывать улицы, требуя курева, и никакая милиция не помогала.

Помню, как Жирик выступал перед Большим театром. Все воспринимали его как клоуна и ходили потешаться, благо дело было весной, на улице тепло, почему бы не послушать болтовню шута.

Тогда никто не сомневался в том, что Жирик создан КГБ и финансируется ими. Его всерьез не воспринимали. Уже потом Гайдар напишет о том, что нужно было с ним договариваться о поддержке реформ. И правительство реформаторов могло бы продержаться дольше.

1991 год

Январь

На Новом Арбате, где тогда размещалось литовское посольство, прошел многотысячный марш и митинг на Манежной в поддержку независимости Литвы, и Ельцина, выразившего солидарность с народами Балтии. Поскольку мэром в Москве был Гавриил Попов, то митинги проходили в самом центре города. Я бывал практически на всех, в театре знали о моих политических симпатиях и старались идти навстречу, не назначая двойных вызовов в день митинга.

А начиналась моя деятельность с поддержки независимого профсоюза горняков, которых, отколовшись от ВЦСПС, стал защищать шахтеров в борьбе за достойную жизнь. По всей стране люди собирали деньги для бастовавших шахтеров, среди осветителей Большого театра эту работу решил взять на себя.

Деньги сдавали охотно, потом я все деньги отнес в приемную независимого профсоюза, и получил об этом справку. Прошло некоторое время и в цехе стали распространяться слухи, будто деньги я сдал, но не все. Пришлось вывесить на видном месте справку с указанием сданной суммы.

В начале 1991 года в Большом происходили съемки балетов. Снимали для заграницы. Со всеми артистами заключили договоры о дополнительной оплате, а работяг и осветителей решили купить отгулами. Я выступил организатором и предложил заключить договоры об оплате и с нами, ведь работать приходилось по ночам. Поскольку народ меня поддержал и доверился, то ко мне вынуждены были прислушиваться. Пришлось и с рабочими подписывать соглашения и платить достойную плату. Мы тогда за несколько ночей получили почти двухмесячную зарплату. За это меня начальники стали называть вымогателем. В дальнейшем такая активная позиция сыграла свою роль, роль, правда, отрицательную, поскольку держать независимо мыслящего человека опасно, - обязательно выступит с новыми требованиями.

1991 год

Март

Помню, какое жуткое, гнетущее впечатление произвели на меня войска в центре города. Были перегорожены все улицы, ведущие в центр. Петровка, Дмитровка, Тверская.

Это сейчас мы привыкли к вооруженным людям, а тогда это было потрясением. Потрясением непонятным. Как люди, сидящие в Кремле, могли принять такое глупое решение, зачем выводили войска, от кого пытались защититься, разве только от собственного народа, народа тихого и неприхотливого. Он и сейчас не претендует на многое, его грабят, а он молчит. В 1991 году абсолютно все восприняли вывод войск на улицы Москвы негативно.

1991 год

Май

Тогда были только две организованные силы – КПСС и КГБ. Чекисты не играли самостоятельной роли, но им очень хотелось выйти из под контроля партии. Партия утратила доверие народа заодно со своим боевым отрядом - с чекистами. Я помню, как всю первую половину 1990 годов о них не было ничего слышно, - перегруппировывались, затаились и ждали. И дождались.

1991 год

Август

В августе 19 числа мы вчетвером возвращались на поезде из Крыма. Утро застало на подъезде к Москве, помню на МКАДе стояли колонны военной техники. По радио передавали официальные обращения.

Добравшись до дома, оставил вещи и поехал к Белому дому, где тогда размещался и президент Российской Федерации Б.Н., и правительство и депутаты.

Уже было известно о том, что Б.Н. не признал ГКЧП законным органом, и появился реальный центр сопротивления. Никакого забора вокруг Белого дома тогда не было и можно было подходить и заглядывать в окна.

В метро было буднично, никакого напряжения, и только ближе к набережной я увидел первые баррикады. Собирались люди, пришедшие сюда не за выгодой, не за

зрелищем, как потом было в 1993, собирались равнодушные, кому небезразлично в какой стране жить. Белый дом окружили живым кольцом, принялись строить баррикады.

Такого энтузиазма и решительности мне видеть не приходилось. Разве только в походе, когда сброшены все условности, человек становится свободным, чувствует ответственность за свой будущий ночлег и начинает строить укрытие или ставить палатку без всякого понукания. Так и здесь: тащили сами все что можно, разбивались на сотни и десятки, организовывались в дружины и отряды.

Обойдя Белый дом кругом, решил, что лучше всего мне примкнуть к людям, строящим заграждения на Горбатом мосту. Здесь было ближе всего к метро, не так сильно дуло с реки и, по моему мнению, основные события должны были разворачиваться здесь.

В первый день одеты многие были буднично, в последующие – появились атрибуты походной жизни.

Люди стали организовываться, - записывались в десятки и сотни, появились и командиры. Для меня всегда оставалось загадкой, каким образом люди становятся командирами, вдруг появляются ниоткуда и потом бесследно исчезают. Удивляло меня и знакомство людей друг с другом, частенько они приветствовали друг друга, как хорошие знакомые. Я тоже записался в какой-то отряд, но потом быстро забыл его номер и командира. Никогда не нравилось подчиняться, и этот раз не стал исключением. Не могу сидеть на месте и ждать, питаюсь слухами. Хотелось быть в гуще событий. Время от времени распространялись слухи о том или ином ожидаемом событии, чаще всего они не подтверждались. Связь с находящимися внутри Белого дома была ненадежной, а мне хотелось не просто сидеть и ждать развития событий, но иметь возможность самому принимать решения, обладая достоверной информацией. Теперь понимаю, все было организовано правильно, - командиры получали информацию, был штаб обороны, и эту информацию доводили до защитников. Иначе было нельзя. Но тогда, мне казалось, что возможно принять важное решение самому, нужно только внимательно наблюдать.

Немного поработав на сооружении баррикады, посидев и послушав, о чем говорили люди, я отправился на разведку. Вокруг Белого дома народу было не очень много, кое-где строились завалы.

Опыта уличной борьбы ни у кого не было, решили перегордить подъезд с Кутузовского троллейбусами. Власти никакой не было, было тревожное ощущение причастности к истории. Тот момент, когда история делает выбор, сначала она думает некоторое время, колеблется, потом делает шаг и идет, идет, идет.

Заговорщиков подвела неправильная оценка позиции. Отталкиваясь от советских представлений, они полагали, что главное – Кремль. И все силы бросили туда.

В действительности же очаг сопротивления находился в Белом доме, абсолютно беззащитном 19 августа.

Я оставался в эту ночь у Белого дома, стало холодно, люди жгли костры, пели походные песни, разговаривали и смеялись. Из близлежащих домов приходили женщины и угощали горячим чаем. Пьяных не было ни одного. Переходил от костра к костру, курил,

смотрел на лица и чувствовал себя причастным к историческому событию, событию, за которое мне не будет стыдно. Утром поехал домой поспать, а заодно и поесть.

Отчетливо помню мысль, возникшую на эскалаторе. Был понедельник и вверх ехал народ на работу. Абсолютно безразличный ко всему. Как же так, я еду после исторического события, а вы спокойно направляетесь на работу, как будто ничего не происходит. Ведь решается ваша судьба и ваших детей.

Немного отдохнув и поев, опять отправился к Белому дому. Народу прибавилось, поползли слухи о штурме.

Ночью было особенно страшно, страшно неизвестности. Неприятно ощущать собственное бессилие, мы были живым щитом. Это в 1993 году Егор Гайдар призвал народ выйти к Моссовету и с оружием в руках защитить страну от красно-коричневых. В 1991 году никакого оружия у нас не было.

В эту ночь погибли в туннеле трое ребят. Потом их похороны вылились в манифестацию победившего народа.

К утру все успокоилось. Штурма не было, вторая ночь прошла и была самой тревожной.

Наверное, я почувствовал изменение настроения, и в глубине души понял – ГКЧП проиграл, а вместе с ним и коммунисты. На сторону народа стали переходить воинские части, помню майора Евдокимова, он во главе подразделения первым прибыл охранять Белый дом. Такого единения армии с народом больше никогда не было, люди хлопали солдатам, обнимались, дарили цветы, и женщины их целовали. Армия была со своим народом.

Олег Басилашвили говорил, что такой эмоциональный подъем он испытывал только два раза в жизни, - 9 мая 1945 и в августе 1991.

Выступления Бориса Николаевича с танка я не видел, видимо, это происходило в тот момент, когда я уезжал домой, но именно оно, стало тем главным моментом, который сохранится в истории.

21 августа отправился на Лубянку и к ЦК КПСС. Центр города был заполнен толпой ликующего народа, все спешили посмотреть на снос монументов, олицетворявших КГБ и КПСС. Памятник главному чекисту еще стоял на пьедестале, но был уже весь заляпан краской, а пьедестал напоминал колонну Рейхстага в 1945 году.

Непонятно как, но на него уже забрались молодые люди.

Лубянка была безжизненна, милиции не было, город ликовал. Раздавались призывы идти громить Лубянку, но кто-то остановил народ, и толпа пошла на Старую площадь к зданию ЦК КПСС.

Здание оказалось опечатанным, вывески были разбиты, но внутрь никто не лез, все понимали, что важно сохранить все документы для суда над КПСС. О его необходимости и возможности тогда все говорили.

Всем казалось, что уже завтра наступит новая жизнь. Ожидание сказочного чуда избавления от чар злого гения было у всех. Но чуда не случилось, да и не могло произойти, - это я теперь понимаю

Вечером на Лубянку подогнали кран и сняли чекиста и его друга – Свердлова с Театральной площади.

А постамент еще долго стоял на Лубянке. Предполагали установить крест в память всех жертв коммунистического режима, - не сделали. Вскоре и постамент убрали.

Ночь с 21 на 22 августа я провел дома, - уже было ясно, что путчисты проиграли, - власть возвращалась в руки Горбачева, а фактически переходила к Б. Н. Ельцину.

22 августа поехал к Белому дому, где Ельцин с балкона выступил перед ликующим народом.

23 августа отправился на работу в Большой театр. О моих политических симпатиях там знали. И тут я впервые увидел человеческую мимику. Моим главным начальником в театре был малопрятный, толстый, нагловатый человек, сын художника ХХХ, кстати, очень неплохого человека, по рассказам мамы. Отец - приличный, а сын – полное дерьмо. Относился он ко всем свысока, поскольку единовластно решал вопросы зарубежных командировок, - единственную тогда возможность поправить материальное положение. И поэтому привык к подхалимажу, лести и доносительству. Я ему со своими понятиями о чести и правах рабочих, был поперек горла, он проходил мимо меня, будто меня и нет, как мимо пустого места.

И вот 23 августа я выхожу из театра через 1 подъезд – самый дальний от площади со стороны детского театра, - и вижу идущего через площадь заведующего ХПЧ (художественно-постановочной частью). Он разговаривает с каким-то человеком. Заметив меня, бросает собеседника и почти бегом летит ко мне. Ну, думаю, опять будут претензии. Он бежит, улыбается и тянет руку здороваться. Я опешил, не могу понять, что случилось. Через несколько дней мы встретились снова, но он уже не бежал и руки не протягивал, а через месяц и вовсе опять перестал меня замечать. В тот первый день он был напуган, сильно напуган, ведь неизвестно, что выкинут эти победившие демократы. А они ничего не стали делать, а могли, могли. Но мне и не только мне казалось, что все от нас зависящее мы уже сделали, власть коммунистов пала и теперь пусть демократические политики – люди, знающие и умеющие, решают, как жить стране дальше.

По правде говоря, меня никто никуда и не приглашал, поскольку не знали о моем существовании. А самому лезть с предложениями было неловко. Это теперь я-понимаю, что наша неудача во многом произошла оттого, что не было четкого плана действий в случае прихода к власти.

А тогда я был на вершине блаженства, ходил по городу с высоко поднятой головой, это – мой город и моя страна. И даже материальные трудности казались не такими неприятными. Я был молод и полон сил.

Август 91 и мне запомнился навсегда чувством свободы – великим чувством в жизни любого человека.

1993 год

К Белому дому я не ходил, поскольку к зевакам не принадлежал. Обращение Гайдара позвало к Моссовету людей, для которых август 91 был поворотным пунктом жизни. Народу пришло много, по-моему, опять лил дождь. С балкона Моссовета, мне кажется, выступил Гайдар и, поблагодарив всех пришедших, сказал о том, что армия стала выполнять приказ президента и мятеж будет подавлен.

На меня события октября 93 произвели удручающее впечатление. Толпы черни, черни в прямом смысле слова, можно прямо назвать их фашистами за антисемитские лозунги, чувствовали себя хозяевами в городе. Избивали ментов, одного даже насмерть придавили машиной. В городе не оказалось силы, способной их остановить.

И призыв Гайдара явился той спасительной соломинкой, за которую мы уцепились.

Только опираясь на народ можно добиться перемен.

Сейчас многие демократически настроенные граждане не одобряют решение Гайдара обратиться напрямую к народу, но тогда, только этот призыв, только тысячи москвичей, пришедших к Моссовету, помогли избежать фашистского переворота.

Сейчас многие пишут о тяготах 90-ых. Моя семья ничего не потеряла, поскольку никаких сбережений в банке не было, жили от получки до получки, жили небогато. Помню, в декабре 1991 года получил в театре зарплату 300 рублей, обычно 108, и сразу почувствовал себя миллионером.

Ваучеры мама отнесла в какую-то контору, обещавшую золотые горы от продажи нефти. Ни конторы, ни золотых гор мы больше не видели. Но и чувства горечи не было, поскольку не рассчитывали на обогащение, свалившиеся с неба.